

Павел Брычков

Яблочный спас

Хлынул свет – ослепительное золотое сияние. Ударил в глаза так, что пришлось прикрыться рукой. Казалось, он проникал сквозь тело, растворяя его и делая парящим и невесомым. Сердце затолкалось в уши сонной кровью, разгоняя ее. Но сон отпустил не сразу, и небесное золотое сияние тоже было будто во сне.

И лишь бормотание Виктора вернуло Николая в явь. Он окончательно проснулся. Виктор надел кроссовки и щелкнул выключателем. Свет погас. Скрипнула дверь.

Николай лег на спину, заложив руки за голову. Теперь уж, он знал, ему не заснуть.

Сквозь узорные прорези занавесок проглядывало звездное крымское небо, хотя еще и черневшее, но не так густо, как вечером. Мыльным тусклым пузырем поблескивала электролампочка, свет которой разбудил и взволновал его. Он уже почти совсем успокоился, как вдруг его вновь охватила легкая тревога: ему показалось, что все, что с ним сейчас происходит, уже было. Был этот желтый растворяющий свет, до озноба знакомый, была эта ночь в чужом доме, вдали от семьи... Он с лихорадочным любопытством отметил мелькнувшую мысль, что Виктор спросит сейчас, спит ли он. Эта мысль успела мелькнуть лишь на мгновение раньше, чем в темноте раздалось:

– Не спишь?

– Знаешь, мне кажется, все это было... Мы здесь... Я только что угадал, что ты спросишь меня именно это. И раньше бывало предугадывал, кто что скажет. Даже не по себе становится...

– Ложная память, говорят психологи.

– Может быть... Но этим можно объяснить только то, что было. А предугадывание?

– Кто его знает, я ведь дерматолог, а не психолог... Телепат ты, Коля, и все дела! – хохотнул Виктор. – Хотя черт его знает, биополя ведь всякие есть, может, и мыслеполя какие-нибудь есть. Люди еще в младенчестве... Впрочем, сейчас меня волнуют дела более материально ощутимые...

И Виктор в который раз пустился в рассуждения, что хорошо бы заработать тыщи три, тогда можно «Запорожец» хотя бы купить, для Крыма едва ли не лучшая машина, бензина тратит мало, а в городе нынче заправиться – проблема. Без машины же заниматься поиском шабашки дело дохлое... Или можно перейти на индивидуально-трудовую деятельность, открыть частный прием. А что? В их районе на пятьдесят тысяч один кожный врач, навар должен быть... Естественно, все по закону: патент, налог... И вообще, ему надоело нищенствовать, дочь пошла в восьмой класс, сын в третий – одень на полторы сотни! Ну, жена сотню приносит, а рупь нынче, говорят, сорок две копейки от первоначального...

Николай слушал молча. Все это было знакомо ему по себе, и оклад его, инженера-технолога, был чуть больше, чем у Виктора, а для Сибири это слезы – не деньги, тем паче для тридцатипятилетнего инженера. Поэтому он сейчас тут, соблазнил Виктор, с которым он познакомился прошлым летом в турпоходе на Саянах. Идея Виктора была проста – заработать на сборе яблок. Оплату получить яблоками, чтобы потом продать их. И хотя у Николая было много вопросов: как везти заработанные яблоки, где хранить, где продавать – но он доверился Виктору как жителю Крыма. К тому же тот говорил, что должен приехать врач из Архангельска, однокашник, с его помощью они и загонят эти яблоки.

На словах все было просто, но пока выходило не так гладко, как хотелось. Во-первых, оказалось, что Виктор послал письмо, чтобы он, Николай, не приезжал, покуда тот не выяснит все до конца: так как, вроде, урожай нынче неважный. Но Николай уехал на Урал к отцу с семьей, и письмо их не застало. Во-вторых, бывший пациент Виктора Сергей, у родителей которого они сейчас ночевали, должен был прислать телеграмму, но

и ее они с Виктором не дождались и приехали сюда, не зная, договорился Сергей насчет них или нет, как они с Виктором условились месяц назад.

Сергея дома не оказалось. Встретили родители, сказали, что он предупреждал о них. Но договорился ли с председателем, не знают. Выяснилось, что правление колхоза в райцентре на станции, откуда они вчера пришли пешком.

Вошел хозяин и зачастил, проглатывая половинки слов, на смеси русского и украинского. Николай с трудом разобрал, что до отхода автобуса осталось около часа, и пора собираться.

Выглядел хозяин лет на пятьдесят, хотя был уже три года на пенсии. Николай вышел во двор, поздоровался с хозяйкой, рубившей тесаком огромную тыкву на корм свиньям.

– Ну, як спалось в нашой кухонке?

– Хорошо...

– Зараз снідаты будимо, тильки мяса нема, творог та сало с бульбой.

Кухонькой хозяева называли не без лукавой гордости дом, где жил их Сергей. И отличался этот дом от главного дома только тем, что был поменьше и состоял из одной большой комнаты. Когда вечером хозяин Максим Захарыч привел их туда, Николай невольно подумал: «Ничего кухонька, мы в такой избе вшестером выросли...»

– Хорошо тут у вас! – потянулся вышедший Виктор.

– Жыти можно! – согласился живо Максим Захарыч. – Вот и я Сережке кажу: одружись та живи, хата така. Нехай с им, с первой бабой не повезло, так их мало? В двадцать семь тильки свыстни, набежать...

– А это что за дерево? – спросил Николай, кивнув на ствол, спиленный на высоте трех метров.

– Абрикос был, та витром зломало, а хай, там ище одно доброе, – кивнул он в сторону сада.

– А это? – тронул Николай ветку с зелеными плодами.

– Це орих...

– Что за орех?

– Грецкий... Ты що, Никола, грецких орехов не бачив? Ци ще зелены.

– Можно сорвать?

– Та рви, жалко чи що! – сказал Максим Захарыч, а жена его, удивленно глядя на Николая, протянула:

– Сок тильки маже, не отмоешь...

Николай достал перочинный нож, срезал зеленую мякоть и увидел под ней светло-коричневую твердую скорлупу.

– Та, хлопче, не повезло вам: урожай в цом годе неважный, – в который раз проговорил Максим Захарыч, – то жилы б у нас...

– А уборка не началась еще? – спросил Виктор.

– Скоро вже почнется, – с улыбкой ответила хозяйка, – сегодня ж яблочный спас.

После завтрака Максим Захарыч повел Николая и Виктора к автобусной остановке.

Очутившись возле калитки в зеленом туннеле и глядя на висящие над головой гроздья винограда, он, как и вчера, подумал невольно: «Край, напоминающий рай...»

Засохшие коровьи лепешки на бетонных плитах, замостивших проулок, вызывали какое-то странное чувство неестественности.

– У вас что, все проулки под бетоном? – спросил Николай Максима Захарыча.

– А що, мы миллионеры, все е, – гордо ответил он.

– А крымские татары приезжают?

– Е, с початку одна семья купыла цей домишко, – кивнул он на дом, выделявшийся какой-то необустроенностью: без привычных сараев и сада, – а потим еще пять семей вселилось сюды ж... Зараз ездят по Крыму, ищут хаты.

– И охота им мучиться.

– Э, брат, – сказал Виктор, – мне один пациент из ихних рассказывал. Жил, грит, в Фергане, четырехкомнатная квартира... Заходят молодые ребята, из своих, и говорят, мол, тогда-то должен быть в таком-то месте. Если не переедешь, за безопасность детей не отвечаем...

В райцентре Максим Захарыч привел к правлению колхоза, двухэтажному зданию из стекла и бетона. Минувя многочисленные кабинеты, прошли в приемную председателя, которая по размерам и интерьеру могла поспорить с приемной какого-нибудь главного конструктора.

– Можно? – приоткрыв дверь, спросил Максим Захарыч.

– Нет! – ответил кто-то почти сердито.

– На минуточку...

– И на минуточку нельзя, я занят!

Максим Захарыч смутился и пробормотал обиженно:

– Занят... На комбайн нужен был, зараз нет...

Из кабинета вскоре вышли три женщины и следом за ними председатель, упитанный с залысынами мужчина одних примерно лет с Николаем. Бросив секретарше: «Я на совещании», быстро зашагал к выходу. Виктор подскочил к нему:

– Извините. По пути можно вам задать вопрос?

– По пути можно.

– Мы бы хотели на яблоки к вам устроиться...

– Пролетели вы, ребята, только что женщин принял.

– А больше не нужны?

– Нет... Урожай слабый, четверть от прошлогоднего...

– А не знаете, в других колхозах не нужны рабочие?

– Не знаю, спросите Криворученко из «Победы», может, ему нужны.

– А как к нему доехать?

– Зачем ехать, он сейчас на совещании будет в Доме культуры. Со всей области съедутся председатели, там и узнаете все...

Попрощавшись с Максимом Захарычем, Николай с Виктором пошли к Дому культуры.

– Повезло, не надо мотаться, – сказал Виктор.

Перед Домом культуры было тесно от легковых машин и автобусов. В вестибюле толпился народ. Работал буфет, из раздевалки продавали книги.

Виктор подошел к столу регистрации и спросил, приехал ли председатель колхоза «Победа».

– Андрей Палыч? Где-то был... Да вон он в белой рубашке, – оторвалась на миг от списков с участниками совещания женщина за столиком.

Криворученко, крупный седой мужчина интеллигентного вида, рассказывал что-то двум молодым собеседникам. Не решаясь прервать, Виктор с Николаем встали рядом, и Криворученко продолжал рассказывать и им, принимая, видимо, за участников совещания.

– ...А тут приходят ко мне двое, говорят, хотим сто бычков взять на откорм. Спрашиваю, вы откуда? Из города, говорят. Ну, а представляете, как их откармливать? Замялись, че, говорят, не боги горшки обжигают, нам бы трактор... Нет, такие подрядчики по ветру пустят. Им что: не вышло – уехали, а я на бобах остался. А чуть что, сразу нас в консерваторы. Вот на съезде колхозников один писатель выступил, назвал председателей бонапартияками. Не стерпел я, выступил... в перерыве Михаил Сергеевич подходит ко мне и говорит: «Молодец, Андрей, хорошо выступил...»

Стоявшие рядом заулыбались с едва уловимым оттенком подобострастия, сдержанного присутствием незнакомых людей. Виктор тоже улыбнулся похожей

улыбкой, и Николай, чувствуя неловкость и двусмысленность их положения, извинился, отозвал Криворученко в сторону и, почему-то волнуясь, спросил насчет яблок.

– Нету урожая, ребята. Кислотные дожди в июле прошли, опали яблоки... Потом, вам, наверное, надо яблоками, а мы такое не практикуем.

– Да я вот врач, а он инженер, из Сибири аж приехал, – для чего-то стал рассказывать Виктор, – может, возьмете двоих?

– Да я вижу, что ребята хорошие, – уже с любопытством глядя на них, сказал Криворученко, – но нету, нету яблок.

Николай сразу помрачнел, пал духом, подумал о том, что все складывается весьма скверно и, видимо, придется уезжать домой, но вряд ли есть билеты: скоро ведь первое сентября.

Он еще некоторое время походил с Виктором, продолжавшим опрашивать председателей, наконец, не выдержав, остановил его:

– Кончай, Вить. Все: домой надо ехать... Вижу, дело реальное, заработать можно, но раз нет яблок, ничего не поделаешь.

– Погоди, – хорохорился Виктор, – местные ж набрали, значит не у всех опали. Постой здесь...

Он остановил двух женщин и, мило улыбаясь, заговорил с ними. Николай расслышал, что он опять рассказывает, кто они такие, и острое тоскливое чувство неловкости овладело им. Зачем он здесь? Сколько можно клянуть? Он вдруг явственно ощутил себя инородным телом среди этих толпящихся людей и торопливо вышел на улицу. Присел поодаль на скамейку. Через некоторое время увидел, как Виктор вышел с женщинами и затерялся в толпе. «Лучше бы с детьми побыть», – устало продолжал корить себя Николай. Вспомнилось, как он уезжал от них. Моросил дождь, и сын был в великоватом, оранжевом плащике с капюшоном. На груди у него висело пневморужье, стрелявшее пластмассовыми пробками. Это ружьецо, сверкающее двумя никелированными стволами, он купил в райцентре, и сын не расставался с ним даже во сне. Когда поезд тронулся, сынишка растерянно заморгал широко раскрытыми глазами, и хотя не заплакал, но было в его облике столько какой-то детской незащищенности, несмотря на то, что рядом стояли жена и дочка, что у Николая защемило сердце от непонятного чувства вины и собственного бессилия. И это чувство, он знал, не было вызвано лишь расставанием. Он испытывал его не раз, с большей или меньшей тревогой за неясное будущее... А сынишка на перроне так запечатлелся в нем, что и сейчас появилось это невесть откуда возникавшее чувство вины, и единственное желание уехать скорее к нему овладело еще сильнее...

– Шерше ля фам! Скис? – весело воскликнул подошедший Виктор. – А у меня азарт появляется, когда что-то не выходит. И вот результат: едем в Чистое поле – тетки нашли. Разговорился, врач-дерматолог, говорю, то да се... Надо помочь. Нашли! Правда, агроном только был... Едем сначала на поезде до города, а дальше автобусом, к вечеру доберемся!

На автобус до Чистого поля они опоздали, и пришлось ехать на другом, не доезжавшем до места шести километров.

Этот остаток пути решили пройти пешком, с надеждой на попутку. Но попутные машины или были заняты, или не брали.

Поначалу слева от дороги высилась стеной кукуруза, а справа тянулись до горизонта виноградники.

По обочинам стояли плодовые деревья. Когда кукуруза кончилась, пошла пахота, которую делили прямыми линиями бетонные желоба, приподнятые на опорах. По желобам текла вода, которой они не рискнули ополоснуться. Солнце шло на закат, и она держались правой стороны бетонки, на которой лежали через равные промежутки тени деревьев. Виктор свернул с дороги и подошел к дереву, усыпанному желтыми мелковатыми плодами.

- Пробуй, алыча... Абрикосы все обобрали.
- Наедемся канцерогенов, дорога-то рядом...
- Да, пожалуй, ты прав, – выплюнул недоеденную ягоду Виктор, – скоро до ручки дойдем: то нитраты, то радиация, то кислотные дожди... Приходит больной с сыпью, и не поймешь на глаз, то ли аллергия, то ли венерин подарок.
- А у сына Максима Захаровича че было?
- Склероз – на «с» начинается, на «с» кончается, сифилис... От циркачки, говорит, подхватил. Женщина-змея... Из-за этого и с женой развелся. Старики-то не знают...
- А чего он в Ленинград поехал?
- Да после лечения какие-то остаточные явления. Нужен более глубокий анализ. Я на курсах повышения квалификации был, познакомился с профессором там, написал ему письмо и отправил с ним Серегу... Мы с тобой, как герои О' Генри, бродим по дорогам в поисках удачи, – рассмеялся неожиданно Виктор.
- Не прихватят нас тут крымские татары? У нас там слухи, что здесь даже режут...
- Да брось ты, на хрена мы им нужны. Люди как люди... Диспансер у меня, знаешь, за городом, припозднишься иной раз, на автобус не успеешь – пешком, как сейчас мы... Из легковых ни одна падла не возьмет, а татары несколько раз подвозили. Им сейчас эксцессы ни к чему...
- Они что, весь Крым требуют?
- Весь... А куда им весь? Кочевать что ли? Знаешь, их понять можно, но что я им свою квартиру отдать должен? Не отдам! Я три обмена сделал, пока тут поселился... И потом, знаешь, считаешь истории, так что-то в груди просыпается: ведь почти до девятнадцатого века набегии совершали! А в эту войну что делали? Было? Было!
- Но земля-то, вроде, их, корни здесь... Может, выделить им район здесь какой-нибудь, округ создать...
- Кто против? Согласен... А если корни смотреть, так греки на Крым, пожалуй, больше прав имеют: Пантикапей, Херсонес... Вот где корни-то! Историю не переделаешь...
- Да вы, батенька, националист.
- Давай, жми! Обзови еще врагом перестройки, это сейчас в моде... Можно подумать, что ты космополит!
- А что, веков через пятнадцать, если не сожрем друг друга, все люди, видимо, перемешаются и будут какого-нибудь серого цвета, – усмехнулся Николай, – но когда я смотрю на карту, мне всегда жалко, что продали Аляску.
- Вот-вот, всем нам Толстого помнить надо, он точно определил, сколько человеку земли нужно, – обрадованно хлопнул Николая по плечу Виктор и, кивнув налево, сказал: – Вот и сады начались...
- За металлической сеткой ограды стояли яблони. Ветви одних гнулись от тяжести яблок, других – были почти голые.
- Вроде есть что собирать, – сказал Виктор.

Когда пришли в деревню, солнце было уже совсем низко. Жара спала. Зашли в магазин, купили колбасы, хлеба и газированной воды и пошли искать председателя колхоза. Но оказалось, что он уехал в отпуск. Тогда через все село поплелись к бригадиру, который набирал людей для сбора яблок, но и тот уехал на выходные к родственникам. Затем долго искали завхоза, чтобы хоть определиться на ночлег. Но он сказал, что селить сейчас некуда, мол, скоро вот откроем новую гостиницу, тогда, пожалуйста.

– Не повезет, так уж до конца, – мрачно сказал Николай. – Чего ж агроном-то нас взял?!

– Ладно, посиди у магазина с сумками, я поищу его, может, приехал уже...

Николай присел на ящик у магазина, достал книгу, но, прочитав несколько страниц, закрыл: мысли были заняты другим. С усталостью опять пришло раздражение,

чувство потерянности и ненужности. Любопытные взгляды сельчан, проходивших мимо, раздражали его, и он в нетерпении поглядывал на часы, ожидая Виктора. Но время шло, а он не появлялся. Наконец, когда уже стемнело, у магазина остановился грузовик, из кабины которого вышел Виктор.

– Лезь в кузов, едем в райцентр.

– Что агроном сказал?

– Чудак он оказался: негде у нас жить! Чего ж, говорю, ты так... Может, кто на квартиру пустит? Не знаю, говорит... Ну, хоть работу-то дашь? Через три дня, говорит, председатель приедет, тогда и решим окончательно, представляешь! Хорошо хоть машину дал, до гостиницы довезти, до райцентра. Вот если в гостинице мест не будет, то хана...

В гостинице места нашлись. Вскипятили чай в стаканах кипятильником, предусмотрительно взятым с собой Виктором из дому.

– Знаешь, Вить, поеду-ка я домой...

– Погоди...

– Чего ждать? Не люблю неопределенности, прождешь три дня без толку... Так и на обратный билет денег не останется.

– Есть у меня еще один вариант, – сказал задумчиво Виктор. – Лечился у меня от триппера парень один, а любовница у него всем яблочным бизнесом командует. Вся милиция области знает ее и побаивается. А парень этот, Мишкой зовут, то мирится с ней, то ругается... Как-то в диспансер приехала она с тремя хахалами, а Мишка увидел, забежал ко мне в кабинет: спрячьте, говорит, Виктор Андреич, они меня убьют... Ну, я в халате вышел, перехватил их на лестнице, наорал, вытолкал... Мишка мне адрес оставил, говорит, по гроб жизни обязан, если что, заходите... Подумай, можно и через него попробовать...

Утром Николай проснулся посвежевшим, усталость и раздражение оставили его. И хотя вариант не нравился ему, но стоило ли тащиться столько километров, чтобы вернуться ни с чем? И они поехали в город.

Дверь им открыла девица в джинсах-варенках и в полурасстегнутой желтой кофте. Фиолетовые концы взбитых волос торчали чертополохом.

– Извините, Миша, здесь живет? – спросил Виктор.

– Михай, к тебе, – лениво протянула девица, отстраняясь.

– Виктор Андреич! Вот неожиданность, – развел руками вышедший из комнаты парень в шортах и с золотой цепкой на волосатой груди. – Какими судьбами? Валюша, это Виктор Андреич, ну, помнишь, тот самый... Не осталось ли у нас коньячку?..

В узких щелках глаз девицы мелькнуло любопытство. Она ушла на кухню и вернулась в комнату, куда их провел Михаил, с двумя рюмками и початой бутылкой коньяка.

Виктор поведал их одиссею.

– Как, Валюша, поможешь? – спросил Михаил заискивающе девицу.

Валентина ничего не ответила, закурила и, помолчав, сказала:

– С моими они сами не захотят... Чего ж вы в Чистом не остались?

– Да не поймешь, берут или нет, да и жить негде, – ответил Виктор.

– Михай, ты говорил, что у тебя тетка там, пусть у нее живут.

– Точно, как я сразу не допер! – хлопнул себя по лбу Михаил.

– Напиши ей записку, а я бригадире позвоню, он их возьмет, – сказала Валентина.

Пока Михаил писал, Николай оглядел комнату. Люстра под потолком с фарфоровыми амурчиками, какую он видел лишь в магазинах-салонах в столице и запомнившуюся тогда ценой, и ковер под ногами были покрыты заметной пылью. Такая же пыль на многочисленных иконах и крестах, висевших на стене. Взгляду чего-то не доставало, и он понял чего: не было книг. Он был уверен, что нет их и в других комнатах.

– О кей? – спросил Михаил, подавая конверт. – Тетя Даша свой человек, не стесняйтесь! Дадите ей после червонца по три, и все будет нормально... Там и племян у меня интересный, любит образованных людей...

Проводив их до дверей, Михаил понизил голос и смущенно забормотал:

– Виктор Андреич, у меня, знаете, сыпь какая-то красная... Зуд чуть-чуть... Ну понимаете?

– Пустяки, – осмотрев его, сказал Виктор, – клотримазолом дня три помажь, и все пройдет.

– Напишите, пожалуйста, лекарство, – попросил Михаил.

Виктор написал.

Вернувшись в Чистое поле, они и, правда, быстро устроились. И уже через два дня спешили к конторе, откуда отходила машина с рабочими в сад.

И потянулись дни, похожие один на другой.

Перед сном день будто прокручивался перед глазами заново в несколько мгновений: висящие на ветках яблоки, груды ящиков на тракторных тележках, шуршащие охапки стружки, которой прокладывали яблоки в ящиках...

Жили они втроем в маленьком флигельке. Третьим был приехавший однокашник Виктора Андрей. Был он тих и, пожалуй, излишне вежлив: даже во время работы, попросив ящик, обязательно добавлял «пожалуйста».

По утрам их неизменно встречал сидевший на ступеньках крыльца дома напротив флигелька сын хозяйки Илья. Неизменно с Новым Заветом в руках, может быть, за это прозванный Ильей пророком. Он сидел почти целыми днями в одних плавках, подставляя лицо солнцу. Оставаться в доме один он не любил, ибо с ним начинали разговаривать то вода, то выключенный телевизор... Когда тень абрикосового дерева надвигалась на крыльцо, он недовольно морщился и передвигался на солнце. Вещи начали разговаривать с ним на втором курсе института, откуда мать и привезла его домой. Он горстями глотал таблетки, и болезнь его была незаметна с первого взгляда. И лишь дряблость подернутого жирком тела да растеряннo-тоскующий, почти затравленный взгляд, могли натолкнуть на какие-либо подозрения, впрочем, у незнающего человека они бы, вероятно, рассеялись.

Постояльцев он называл по имени-отчеству, с первого дня запомнил и не путал. Никогда не помогал по хозяйству ни матери, ни сестре Анне, разведенной двадцатипятилетней женщине с масляными, карими глазами.

Однажды в воскресенье, когда они спали дольше обычного, Николай вышел из флигелька первым и с удивлением обнаружил, что Ильи на крыльце нет. Из открытой двери веранды он услышал примирительный голос его матери:

– ...Дак, никто ведь его не видел, бога-то. Учили нас так... Был бы, он разве допустил столько на земле горя. Ведь он всемиловейший... Вот и тебя...

– Да при чем тут он! – вскричал в отчаянии Илья. – Люди сами виноваты... И я тоже: гонялся за шмотками, вот они и пришли... И ты без бога живешь! А я хочу жить с богом! С богом!.. Только он в силах преобразить душу человеческую. Неправедную!..

– Ладно, ладно, живи, живи, – испуганно успокаивала мать Илью.

– Не заслужили люди милости! Пузу своему продались... Золото, ковры, стенки!.. Жизнь свою им продают... А ведь сожрут они вас, сожрут!.. И ты туда же...

– Да где у меня золото-то? – дрожащим голосом спросила мать.

– Анька вон вся увешалась...

– Она ж молодая, пусть поносит.

– Закаркал, Илья-пророк, ты золота-то не видел! – огрызнулась Анна, выходя во двор. – Вон у Машки Ереминой сколько!

Илья выскочил следом, хотел что-то крикнуть, но, заметив Николая, обрадованно воскликнул:

– Вот, Николай Палыч, скажи ты им, есть бог?

Было в его глазах столько напряженного ожидания, Николай растерялся: отшутиться или сказать утвердительно он не мог.

– Чего пристал к человеку! – выручила его Анна и, ласково улыбаясь, протянула: – Николай Палыч, помогите, пожалуйста, картошки накопать.

– Все вы, все услышите голос вещей! Все! – яростно и зло закричал Илья. Глаза потемнели, подернулись пеленой так явственно, что Николай был уверен, что сейчас он никого не видит.

Николай взял лопату и корзину и прошел следом за Анной в огород. Занятый мыслями об Илье, он выворачивал гнездо картошки за гнездом, пока Анна не остановила:

– Хватит, хватит! Разошелся...

Николай присел рядом с Анной и стал помогать собирать клубни в ведро. Анна в наклоне широко расставила ноги и то и дело сдвигала со лба льняную прядку волос. Продолговатые пластмассовые сережки красно-бело-голубыми блесенками трепыхались у розовых щек. Короткая кофточка выбилась на спине из-под джинсов, обнажая поясницу молодой женщины с едва приметными бугорками позвонков. Полуоткрытые груди покачивались в такт движениям, и взгляд так неудержимо магнитило к будоражащей белизне, означенной четкой границей загара, что она несколько раз перехватывала взгляд Николая. Но не выпрямилась, не прикрыла грудь, а по-прежнему, слегка прогнувшись в пояснице и выставив джинсовый зад, отряхивала клубни с кустов, быстрыми движениями собирала их и сбрасывала в корзину. Движения ее вдруг стали резче, лихорадочнее, и она кратко бросила, выпрямляясь: «Хватит». Выразительно посмотрела на Николая и спросила, не поможет ли он вечером пособирать кукурузу, и показала на дальний угол огорода, где высокой стеной стояли белесо-зеленые стебли. Он почувствовал тот невидимый ласковый ток, что установился вдруг между ними, и эта просьба, этот намек, который не уловил бы только чурбан, взволновали и обрадовали его.

Таких, как он, называют обычно девственниками: кроме жены у него никого не было, и казалось, что никогда никого не понадобится. Разочарование первой брачной ночи он перенес сравнительно легко, он читал, что может и не быть доказательств и по другим причинам. И хотя он никогда не признался бы себе, что осадок, ну, не осадок – след от легкой ссадины – остался-таки в душе. Тем не менее, в подсознании сидела, может быть, мысль о какой-то компенсации. Ее-то и не было. Со временем стала раздражать тихая молчаливость жены, холодность, которую он безуспешно пытался разбить. Но всегда, когда казалось, что вот-вот из губ ее вырвется звук, который неимоверно возвысит его в своих глазах, он срывался в пропасть блаженства один. От этого возникало досадное чувство, если не ущербности, то просто невезения...

Когда подошли к кукурузе, Анна сказала, что с краю убрали, и углубилась внутрь зарослей с мешком в руках. Николай вошел следом с ведром. Они еще кинули несколько початков в ведро. Но обоюдное нетерпение уже повлекло их друг к другу. И когда Анна потянулась за очередным початком, Николай положил руку ей на талию и слегка потянул к себе. Она разом подалась, отяжелела, каким-то невидимым движением кинула под себя мешок и, подминая спиной стебли, потянула Николая за собой. Через мгновение весь мир исчез в шорохе листьев и стеблей, который оба не слышали. Чуть позднее, уняв лихорадочную поспешность, Николай будто утешал до сих пор неудовлетворенное любопытство: ловил жадно всхлипы и стенания, вдавливал, наученный тут же, язык в язык в каком-то непомерно волнуящем поцелуе и успевал отмечать будто посторонним зрением волнообразные встряски гибкого ее тела. Осенила догадка: «Вот это откуда!.. Я любовь узнаю по трели... всего тела вдоль...» И тут же под напором новизны ощущений он был пронзен сладостно-освобождающим светом, исторгшим из груди глухой звук.

С этого дня они уединялись каждый вечер. Чаще во флигельке, когда Виктор и Андрей уходили в клуб играть в бильярд. Связь их все видели. Виктор иногда, уходя в клуб, ехидно ухмылялся, когда Анна при нем висла у Николая на плече.

Однажды вечером после ее визита вошел Илья. Что-то бормоча, он заглянул в печь и замер с открытым ртом, прислушиваясь. Николаю стало не по себе.

– Что, Илюша, ищешь?

– Тс-с, ветер говорит, – приложил он палец к губам.

– Чего ж он говорит? – испытывая желание уйти, просил Николай.

– Несчастный ты человек... При живой жене... – неожиданно выпрямился он, глянул совсем живыми глазами, впрочем, тут же потухшими и тихо вышел.

Работа к концу второй недели стала уже надоедать. Яблоки, что они сетками приносили во флигелек, приелись тоже порядком. Но утешало, что деньги какие-никакие будут: на десятый день работы Николай послал жене пятьсот рублей.

В воскресенье Анна уехала в город. И Николай пошел с Виктором и Андреем вечером в клуб. Вернувшись, они увидели у ворот «Волгу». Во флигельке за столом сидели Анна в обнимку с каким-то чернявым сухим парнем и Михаил с Валентиной, у которых Николай с Виктором были в городе. Голосил во всю мощь японский магнитофон. Увидев вошедших, Анна лениво сняла руку с шеи парня.

– А, Виктор Андреич, садитесь с нами, шарахнем по мерзавчику... Сестренка Анна заглянула к нам, дай, думаю, сгоняем, поглядим, как устроились... Да и дело у меня сугубо личное... После погутаим? – притворно-развязно проговорил Михаил.

– Ладно, – понимающе кивнул Виктор.

– Это мой кореш – Ленька, – кивнул Михаил на чернявого парня.

Тот был уже заметно пьян. Нагловатым взглядом окинул вошедших презрительно и вызывающе.

Николай присел со всеми к столу. Выпили по рюмке коньяку. Повели разговор о яблоках и деньгах. Николай изредка бросал исподлобья взгляд на Анну, но та старалась не смотреть в его сторону. Беспочвенно расхохотываясь, она, то и дело откидывалась на спинку стула. Ленька положил ей руку на шею и гладил пальцем под мочкой уха, покачивая пластмассовые серьги.

Николаю стало тошно от омерзения к самому себе. «Клюнул на блесенку... Скотина!..» Его охватило вдруг полное равнодушие, и единственным было желание, чтобы скорее закончилась эта попойка.

Неслышно вошел Илья. Заметив его, Михаил почти насильно усадил рядом с собой. Пьяно ухмыляясь, придвинул к нему рюмку с коньяком. Илья беззвучно замотал головой.

– Нельзя ему! – встревожилась Анна, скинув маску веселья.

– Пусть выпьет! – сказала Валентина и, прищутив глаза, глянула повелительно на Михаила. Тот поднес рюмку к самым губам Ильи и заерничал:

– Ну, пей, пей, Илья-пророк! После расскажешь, что тебе твой бог нашепчет...

– Да нельзя ему!.. – растерянно, почти плачущим голосом воскликнула Анна.

– Отстань от него, – хмуро сказал Николай.

Но Михаил, раздражаясь, продолжал уговаривать Илью.

– Кончай, кончай! – поддерживали Николая Виктор и Андрей.

– Ну, вы, босяки! Зарабатывать надоело?.. – прикрикнул на них Михаил и хлопнул Илью по затылку: – Пей, когда мы просим!..

Николай подскочил к Михаилу и ударил его в подбородок. Тот упал на бок и замер на локте, будто в раздумье. По полу покатились рюмка, оставив пятно выплеска.

Все разом вскочили, выходя из-за стола. Николай взял Илью за плечи и повел к двери.

– Коля! – услышал он предостерегающий крик Виктора, полуобернувшись, инстинктивно поднял правый локоть, успел заметить блеснувший нож в руке подскочившего к нему Леньки и почувствовал, как обожгло бок.

И вдруг опять показалось, что все это было. Он вспомнил, как однажды единственный раз перепил и изо всех сил старался удержать ускользающее сознание, как и сейчас сопротивляясь. Внезапно возник в яви сын, стоящий с пневморуужьем, и, стремительно уменьшаясь, исчез в слепящей тьме, в которую упал Николай.

Свет появился, сначала слабо растворяя тьму, как бы по краям, затем, усиливаясь, превратился в ослепительное золотое сияние, пронизывающее тело, делая его ощутимым и тяжелым...

1988